

ПОЭТ НЕ ДЛЯ ПОЭТОВ

Валерий Скобло. О воде и воле. СПб.: Издательство Союза писателей Санкт-Петербурга, 2015.

Читая новую книгу стихов В. Скобло, я забывал о том, что и сам занимаюсь тем же ремеслом, и настолько был захвачен чтением, что тут же перечитал две предыдущие книги поэта, вспоминая свои первые впечатления и сопоставляя их с новыми.

В начале 70-х я посещал разные ленинградские литобъединения, в том числе и ЛИТО Александра Кушнера. Там я и услышал впервые стихи Валерия Скобло. Их разговорная интонация, напоминающая об устных истоках поэзии, острота переживания времени, внимание к его незначительным вроде бы приметам и внутренняя энергия, аккумулированная в традиционной форме, сразу привлекли мое внимание. Стихи хорошо запоминались, их хотелось повторять про себя — может быть, потому, что я легко узнавал в них и свое тогдашнее настроение. Так что, когда в 1992 году вышла первая книга стихов Валерия Скобло «Взгляд в темноту» («Советский писатель», Санкт-Петербургское отделение), я читал ее, как будто вспоминая впечатление двадцатилетней давности. Вот, например, однажды врезавшиеся в память строки, сохраненные ею по сей день:

А ты засмотрелся и злишься,
Хотя согласился давно,
Что даже удача излишня,
Когда тебе больше дано.

Или это:

Ветер страхом набух и позором.
Даже он не касается нас.
Знает, видно, что мы под надзором
Незаметных и пристальных глаз.

Если голос отняли, о Боже,
Сохрани мою память и боль —
Дай запомнить мне лица прохожих
И бумаге доверить позволь.

И любовь, и надежда, и вера
Обожгут окровавленный рот...
У молчания тоже есть мера,
И я знаю, что время придет.

Или стихотворение о больном «Предчувствием жизни внезапно...»:

Он вспомнил: был сон и принес
Такую надежду на счастье,
Что он задохнулся от слез.
Пижама накинув на плечи,
Он понял, присев на кровать,

Что жизни чудесной и вечной
Теперь ему не миновать.

Помнился исторический цикл, в котором Скобло так вживался в трагически противоречивые образы декабристов и народовольцев, что они словно переносились в наше время. Например, «Герман Лопатин. Октябрь 1884»:

А время, как нитку иголка,
Людей за собою влечет,
На подвиг, на жертву без толка
Тебя и других обречет.

Но в вихре событий тревожных
Ты веришь до боли в груди,
Что время чудес невозможных,
Возможно, еще впереди.

Восхищали меня и такие вроде бы второстепенные особенности поэтики, как ударения, приходящиеся на частицы «не»:

Ты вслух еще не повторяешь
Той мысли, к которой пришел,
И нить рассуждений теряешь,
Садясь за обшарпанный стол.

Или «бы»:

Что за день был, какое число,
Солнце или осенняя слякоть,
Не припомню, но было светло...
Боже мой, только бы не заплакать.

А заканчивается первая книга такими строками:

Если ты здесь чужой на последнем похмельном пиру
И сосчитаны все расставанья, обиды и вины...
Черт-те что ты бормочешь на высекшем слезы ветру,
В свой окопчик вгрызаясь средь вымерзшей русской равнины.

Вот этот «окопчик» меня особенно трогает и вдохновляет.

Самосознание автора очень точно выразилось в названии цикла «Записки вашего современника». Позднее, в 2011 году, под этим же названием вышла вторая книга («Геликон Плюс», СПб.). Очевидная отсылка к блоковской «Жизни моего приятеля» призвана, как мне представляется, обозначить противоположную установку: если там действует двойник поэта, то здесь нет разделения на поэта и человека. Отсюда — отказ от малейшего намека на позу, от какой-либо высокой миссии поэта, кроме стремления выразить то, что волнует автора и потенциального читателя. Вспоминается концовка стихотворения А. Кушнера «Отказ от поэмы»: «Но жизнь в каком-то главном смысле / Акт героический вполне». Не случайно и стихи приравнены к запискам, а последний раздел второй книги назван «Это всего лишь стихи».

Валерий Скобло постоянно включает в стихи снижающие пафос детали. Среди персонажей его стихотворений встречаются соседи по больничной палате, случайные попутчики, ссорящаяся пара с подслушанной перебранкой, попросивший прикурить прохожий, а иногда просто некий «он». Темами его стихов могут стать будни НИИ с разговорами в курилке, замена газовой колонки, борьба с земляными осами на даче. Но никогда эти темы не ограничиваются простым описанием, всегда есть какой-то выход за их пределы.

А вот как разрешается «большая» (тютчевская) тема:

Жить умом ни за что не хотят —
Только верой, влеченьем, недугом...
Вот и топят, как малых котят,
Потешаясь предсмертным недугом.

Ни своим, ни чужим... Боже мой!
Утешаясь судьбою безликой...
Что за рок над великой страной?
Ведь без всяческих скидок — великой.

Но ценою... Какою ценой...
И какой неподъемной виною...
Лучше вправду пройти стороною,
Чем попасть в этот ливень стеною.

Только капли дождя на лице,
Только градинки этого града...
С этим поздним прозреньем в конце,
С этим криком прощальным: Не надо!..

В этом стихотворении удивительны разрывы мысли, перемежающей утверждения и опровержения, — и все превращается в какое-то бормотание, в какой-то «неправильный» синтаксис. Излюбленный знак препинания поэта — многоточие. Иногда оно может и завершать строку, и начинать следующую. Может быть, многоточие этих стихов тяготеет к отточию, к фигуре умолчания. Эти своего рода линии разрывов создают некую разомкнутость поэтического пространства. Скобло избегает завершенных формул и сентенций. На таком фоне особенно рельефно выглядят вынесенные на заднюю обложку «Записок...» строки, выражающие четкий нравственный императив:

...И пусть у каждого правда своя,
А общая к лишь иногда,
Я знаю правду о том, кто я,
Откуда иду и куда.
...Налет случайности с мира сотри —
И будет совсем беда...
А скажет время: «Умри!» — умри!
И скажет: «Убей!» — убей!..
Но не убей и тогда.

Валерий Скобло часто примеряет себя к роковым ситуациям. Этот мотив возник уже в первой книге: голоса декабристов и народовольцев сливаются с его собственным голосом. Поэт словно пытается себя, старается представить, как он себя поведет в минуту опасности: «Ах, как славно мы завтра умрем / На ветру, на недрогнувшей площади!» («Ночь на 14 декабря 1825 года»), «Может быть, нас убьют на обратном пути — / Здесь, у рынка...» («На смерть Анны Политковской»), «Может быть, всего и надо: / Увидать врага в прицеле, / Автомат на землю бросить / И подняться в полный рост» («Мы так долго жили мирно...»). Эмпатия, отраженная во многих стихах Скобло, всегда убедительна, а не декларативна. Повседневная жизнь тем самым оказывается зыбкой, и тем ценнее становится каждое ее мгновение. Не случайно один из разделов второй книги назван «Примеряя расставание»!

Новая книга Валерия Скобло «О воде и воле» (2015) начинается разделом, названным «Сила слабых». В нем есть стихотворение «Читателю», заканчивающееся такими строками:

Тебя я представлял с улыбкой виноватой,
Похожей на мою... и думал о тебе.

Лейтмотивом этой книги представляется какое-то последнее одиночество, что, однако, не противоречит вниманию к другому человеку, как не противоречит этому вниманию концовка стихотворения, начинающегося так: «Ветром... волною... туманом... да, чем-то такого рода — / Вот кем хотелось стать мне после... после ухода».

...Сосулькой, свисающей с крыши сразу после мороза.
Даже ливнем мгновенным, хлынувшим вне прогноза.

Это ведь тоже неплохо — давать свою воду рекам...
Только не человекам... только не человеком.

Валерий Скобло — поэт не только внимательно вглядывающийся, но и вслушивающийся («Поскольку понял: человек — это его язык, / А не характер, склонности, внешность или привычки»). Отсюда в его стихах (особенно в последней книге) и просторечие, и обилие вводных слов, и современный сленг, и даже междометия. Некоторая небрежность порою тоже служит эффекту спонтанности, непосредственности, а может быть, превращает стихи в подобие импровизации.

Второй раздел новой книги назван «Молитва дурачка» по такому стихотворному «заклинанию»:

Братец-ветер, не дуди так звонко,
Не пугай — заплачет наша сестренка.

Братец-огонь, не тронь наши хаты —
Мы пред тобою разве виноваты?

Сестра-война, пройди стороною,
Стань только мне, а не общей женою.

.....

Сестрица моя, смерть, приходи за мною —
Только не за братом, не за сестрою.

Братец-бог, погляди в наши лица,
Научи иначе... верно молиться.

Вообще Валерий может называть себя атеистом и одновременно обращаться к Богу из глубины сомнений:

В небесах порою вижу ноты,
Иногда и музыка слышна.
Я ведь знаю, Господи, про что Ты,
Мне понятна даже тишина.

Вот приходит Твой печальный вечер,
Отделяя ночь мою от дня.
Отвечать и незачем, и нечем
На вопрос: Ну, почему меня?..

Чтобы ощутил свою вину я,
От меня и далее таи,
По каким делам, меня минуя,
Пролетают ангелы Твои.

Мне ли знать причину их маршрута?
Не причастен к тайнам, но зато
Не скажу, что наказание круто.
Потому и не спрошу: За что?

Эта невятность самоопределения не может не подкупать — особенно на фоне множества поэтов, «позиционирующих» себя внутри определенной конфессии. Вспоминается из первой книги:

«И все эти звезды затем лишь явил
Господь наш, премудр и пречист...» —
Он начал, а дальше продолжить не смог,
Поскольку он был атеист.

.....

От этой загадки он взгляд отвести
Пытался — и не было сил...
А все эти звезды лишь только затем
Господь своим чадам явил...

Стихи о послевоенном детстве на Петроградской стороне по своей атмосфере перекликаются с таковыми же у Владимира Гандельсмана, но поэтика их совсем другая:

Эти — Барочная, Лодейнопольская...
Вспоминаю — и дрожь внутри.
К старой школе дорожка скользкая...
И Зеленины... Целых три.

...Геслеровский, Петрозаводская,
Корпусная и пара Резных...
И подвалы, и крыша плоская —
Всласть побегал от дворников злых.

Оказалось, не все расчислено
И не Ждановка — миру край.
Как печальна пошлая истина,
Что где нету нас, там и рай.

Я пытался... искал, бывало, я —
Нет возврата к себе домой.
Мост Крестовский и Невка Малая...
— Боже мой, — я шепчу, — Боже мой...

Скобло умеет создавать образ минимальными средствами, например простым перечислением названий. Несмотря на упоминание многих самых разных книг (от Дхаммапады до «Розы мира»), стихи так преломляют прочитанное, что из них выветривается всякая «книжность». В сущности, извлеченные из книг образы становятся его «домашним» миром, перемежаются с близкими людьми (женой, дочерью, внуками).

Удивительно хороши концовки некоторых стихотворений, часто достаточно неожиданные. Например, стихотворение начинается так:

До озера шагом — 15 минут.
Берег пуст... никого... Дождливая осень.
Тихие голоса, что меня зовут,
Там тише — их в сторону ветром относит.

А заканчивается так:

Прожил жизнь... Итог подводить не врачу.
Вряд ли так, как надо: легко и отважно.
На прощание вот что сказать хочу:
Я любил тебя... Это теперь неважно.

Или начинающееся: «Многие спрашивают, что с ними будет „после“? / Очень немногие — а где они были „до“?» — после шести строф рассуждений вдруг завершается отказом от их продолжения:

Этот стишок мною был утром сегодня начат...
Подумав, на этой строчке его оборвал.

Стихотворение о подруге, уехавшей в Париж, заканчивается так:

Я счастлив за нее, что мне не повезло
и что другой ей оказался ближе...
И счастлив за себя, что я несчастлив здесь.
...Что я несчастлив здесь, а не в Париже.

Очаровательным сдвигом ударения заканчивается стихотворение о прогулке с другом в Александровском саду с распитием бутылки коньяка:

Да, жизнь прошла — но это не беда,
Есть утешенье: вот Нева и ветер,
Фонтана есть сияющие сети,
И Пржевальский гладит верблюда.

Приведу еще концовку стихотворения о больнице (таких в книге, увы, немало):

Жизнь, не созданная по заказу
И не разыгранная по нотам,
А так, что отсюда — и в вечность сразу,
Которая за любым поворотом.

Мне кажется, что перед нами пример стоицизма: несмотря на печальные мотивы многих стихотворений Скобло, его поэзия поражает бесстрашным приятием мира без жалоб и протестов, что и дарует подлинную свободу. Именно на это работают все художественные средства: и потаенное, не выпирающее, мастерство, предполагающее равенство с читателем и настраивающее скорее на сопереживание, чем на восхищение, и отсутствие ярких метафор как некий эстетический аскетизм, и разговорная, иногда ироничная (или самоироничная), интонация, соответствующая зыбкости, уклончивости в самоопределении и убеждениях, что оставляет лакуны, в которых читателю легко найти место для своего мирочувствия. Такой поэт по своей сути — не для собратьев по перу (нечастый в наше время феномен)!

У меня всегда было ощущение, что Валерий Скобло пишет стихи совсем иначе, чем я. Они как будто появляются на ходу, между делом, иногда вообще без серьезного повода и поэтому, кажется, не требуют длительной доработки и «отстаивания» — зато всегда естественны, как человеческая речь. Хотя в стихах Скобло чувствуется глубокое прочтение самых разных русских поэтов, мне трудно выявить истоки его поэтики, какие влияния он испытал, от кого оттолкнулся, равно как и представить себе поэта в следующих поколениях, который мог бы пойти по его пути. Конечно, самым банальным было бы отнести поэзию Валерия Скобло к «ленинградской школе», но способность волновать, тревожить и утешать своими стихами никакой школой объяснить невозможно. Это свойство поэтической и человеческой личности в их нераздельности.

Борис ЛИХТЕНФЕЛЬД